

В. С. Пруцакова

РУССКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ КОРПУС ВО ФРАНЦИИ 1815–1818 ГГ.: АГРЕССОРЫ ИЛИ ЖЕРТВЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ?

Пруцакова Валентина Сергеевна, магистрант кафедры истории и организации архивного дела факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (103012, Москва ул. Никольская, д. 15).

Prutsakova Valentina Sergeevna, graduate student of the department of history and organization of archives of the Faculty of archives of Institute of history and Archives of the Russian State University for the Humanities (103012, Moscow, Nikolskaya Street, 15).

Телефон/Phone: + 7 (495) 625-50-19. Электронная почта/E-mail: javany@mail.ru

В статье рассмотрена специфика преступлений, совершившихся чинами русского оккупационного корпуса на территории Франции в течение 1815–1818 гг. На основе анализа зарегистрированных случаев нарушения правопорядка высказывается предположение о ситуации внутри российских войск на оккупированной территории, об уровне агрессивности солдат по отношению к местным жителям.

Ключевые слова: Русский оккупационный корпус во Франции в 1815–1818 гг., казаки во Франции, генерал М. С. Воронцов, преступления.

RUSSIAN OCCUPATION CORPS IN FRANCE 1815-1818: AGRESSORS OR VICTIMS OF CIRCUMSTANCES?

The article discusses the specifics of the crimes committed by ranks of Russian occupation corps on the French territory in 1815-1818. Based on an analysis of reported cases of violations of the rule of law suggests about the situation inside the Russian troops in the occupied territory, the level of aggressiveness of the soldier against the locals.

Keywords: Russian occupation corps in France in 1815-1818, cossacks in France, general M. S. Vorontsov, crime.

Из череды событий, связанных с эпохой наполеоновских войн, наибольший интерес для российских ученых всегда представляла Отечественная война 1812 года и заграничные походы русских войск. Между тем, для французской науки не последнее место занимает оккупация территории Франции союзными войсками в период с 1815 по 1818 г. В рамках этой темы возникает возможность увидеть явное пересечение интересов российской и французской науки в исследовании проблемы «образа врага», воплощенном, кроме всего прочего, в казаках, бывших частью русского оккупационного корпуса.

Историки, занимавшиеся событиями 1815-1818 гг., не единожды отмечали, что негативные впечатления французов от взаимодействия с российскими войсками связывались, прежде всего, со столкновениями с казаками, которые были виновны в большинстве преступлений в отношении местных жителей⁴⁷⁹. Информацию о разного рода противоправных действиях, судах и наказаниях представляет комплекс официальных документов, отложившихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива.

Анализ документов показывает, что, согласно официальным данным, среди частей, чины которых были судимы за какие-либо преступления, преобладают не казачьи части. Профессор Саратовского государственного университета А. В. Гладышев, изучающий образ казака в коллективной памяти французов отмечает, что «под “казакком”, на которого жаловались, французами мог пониматься и действительно русский казак, но этот термин мог использоваться как синоним русской легкой кавалерии, не отличая гусара от казака, а казака от калмыка или башкира»⁴⁸⁰.

Наиболее распространенным преступлением, что неудивительно в условиях военной оккупации, оставались воровство и драки, которые совершались преимущественно по двум причинам: из-за стремления к «наживе» и вследствие недостатка основных ресурсов – продуктов питания и фуража для лошадей. При этом воровство и увечья в драках были более распространены, чем убийства и, тем более, сексуальное насилие, хотя последнее все же имело место. Так, в приказе по корпусу от 5 мая 1818 г. было отмечено, что «Донского козачьего Ягодина 2-го полка козак Федор Лупоглазов обвиняется в намерении сделать насилие над женщиной»⁴⁸¹. Однако подобные случаи были единичными.

По мнению французского исследователя Ж. Антрэ, «они (союзники – В. П.) ищут материальных и символических доказательств своей победы над завоеванной территорией... Посредством захвата имущества демонстрировалась сила. Чрезмерные требования, как предполагалось, должны были вызвать у побежденных страх, питающий победителей... Грабеж действует не только как средство обогащения, но и как способ контролировать захваченную территорию как в общественной, так и в частной сферах»⁴⁸².

«Откровенное» воровство, не связанное с недостатком предметов первой необходимости и в некоторых случаях сопровождавшееся насилием, очевидно, является одним из самых ярких способов проявления агрессии. Так, в приказе по корпусу от 26 января 1816 г. было

⁴⁷⁹ См: Брейар 2000: 127-151.

⁴⁸⁰ Гладышев (рук.)

⁴⁸¹ РГВИА. – Ф. 16267. – Оп. 1. – Д. 6: 10.

⁴⁸² Hantraye 2005: 30.

сказано, что «в селении Мобер-Фонтен Якутского пехотного полка Портупей-Прапорщик Козаков, коему поручена была полковая почта, допустил нижние чины до беспорядков (однако, не уточняется, какого рода беспорядки учинялись – В. П.)»⁴⁸³. В приказе от 30 января 1816 г. отмечено, что «Военным судом при Смоленском пехотном полке были суждены за беспорядки, разбой и грабежи близ города Ландреси 24 декабря Нарвскаго пехотного полка Унтер-офицер Савелий Бубнов; Смоленскаго: рядовые Иван Григорьев и Сафон Яковлев»⁴⁸⁴. На первый взгляд, кажется, что подобные случаи были характерны только для 1816 г. (первого года квартирования корпуса). Однако в приказе и от 13 ноября 1818 г. было отмечено, что «во время ночлега Тверского драгунского полка в Льеже, караульные онаго полка бывшие при коношне, отведенной у церкви Св. Андрея, в ночное время пришли в один питейный дом, который был уже заперт и когда хозяин онаго не хотел их пустить, то они усилием отбили двери и влезли в окно, принудили отпереть дом, где, забравши напитков и съестных припасов на сорок франков, не уплатя за оные, ушли»⁴⁸⁵. Приказ от 14 января 1816 г. гласит, что «Подвижнаго Провиантскаго магазейна погоньщики: Алексей Федоров, Павел Тарасьев и Еким Дмитриев, избочлены военным судом в покушении ограбить ночью в поле проезжавшую по дороге коляску, при каковом случае бывший вместе с ними товарищ застрелен»⁴⁸⁶.

Воровство и грабежи совершались солдатами не только в отношении местных жителей. Воровали и у союзников по оккупации. В приказе от 4 января 1816 г. отмечалось, что несколько баварских солдат напали на российский транспорт с сапожным товаром, связали часовых, вытащили некоторое количество товара и сбежали. Двое были пойманы, но большая группа баварских солдат забрала своих пленников. В итоге пришлось решать вопрос на официальном уровне⁴⁸⁷.

Далеко не всегда воровство совершалось столь открыто, а порой и не сопровождалось насилием. Нередко воровство происходило в самом русском оккупационном корпусе или же в отношении местных жителей. Обратимся к строкам приказов по корпусу. В январе 1816 г. в рапорте на имя командира Российского оккупационного корпуса генерал-адъютанта М. С. Воронцова значилось, что «житель местечка Фюме... показал, что действительно 12-го числа Генваря новаго стиля у него разломан замок у гардероба и украдены шерстяная шапка и платки: красный шелковый и носовой белого полотна, всего ценою на

⁴⁸³ РГВИА. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 18.

⁴⁸⁴ РГВИА. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 20.

⁴⁸⁵ Там же. – Ф. 16267. – Оп. 1. – Д. 7: 6.

⁴⁸⁶ Там же. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 7.

⁴⁸⁷ Там же. – Ф. 16235. – Оп. 1. – Д. 74: 15.

9,5 франков. Подозрение имел он на одного из стоявших у него двух солдат, который в тот день перед завтраком оставался один в комнате... По процессу о покраже случившейся на... мельнице Люган (близ Фюме) в присутствии мэра и комиссара показал (пострадавший – В. П.), что с 2-го на 3-е число Генваря новаго стиля пропало у него из ящика 50 франков в пятифранковой монете и из гардероба женская новая шуба на вате и новая простыня, первая в 40, а вторая в 15 франков. Он полагает, что покражу сию учинена дневавшими у него тогда двумя солдатами из числа проходивших в Живе, ибо кроме их в той комнате где лежали деньги и вещи никто не был...»⁴⁸⁸. Согласно приказу от 2 декабря 1816 г. казаки Кирила Журбин и Филипп Быкадоров из войска Киселева обвинялись «...в сделанном на дороге в ночное время у проезжающих воровства; Василий Харченков в принятии краденых вещей, равно в том, что в ночное время был пойман на дороге, как Французское Правительство уведомляет, намеревающимся украсть из проезжающего дилижанса; Иван Хозлачев и Егор Меркулов в участии с Харченковым и при том Меркулов в принятии краденых вещей; Иван Андреев в том, что умышленно не объявил найденные им воровские вещи, а оставил в свою пользу; Василий Тетереватников в воровстве то же в ночное время на дороге у проезжающего сделанное, но по собственному его признанию открывшееся...»⁴⁸⁹. В приказе от 3 июня 1816 г. отмечалось, что «10 Егерскаго полка рядовой Гаврила Иевлев оказался виновным в воровстве в селении Этеньер из церкви вещей»⁴⁹⁰. В рапорте от 8 октября 1816 г. говорилось, что «Смоленского пехотного полка из числа расположенных в казармах в селении Оби нижних воинских чинов рядовые Акентий Михайлов, Иван Боев и Филипп Михайлов, прошедшего сентября 28 числа ночью вышедшие из казармы... пошли в сад, принадлежащий того же селения жителю Пьер-Зожев Димари с намерением нарвать тайным образом груш; и как только Аксений Михайлов и Иван Боев начали лезть на грушу, увидя, что оставшийся под грушею товарищ их Филипп Михайлов побежал назад, то и они, соскочивши, тот час побежали за ним, и в сие время сделался из дому хозяина из ружья с дробью выстрел, и последнему нанесено по несколько ран в ляшке, кои и отправлены в госпиталь»⁴⁹¹. Приказ от 6 февраля 1817 года гласил, что «четверо рядовых 1 мушкетерской роты Якутского пехотного полка, квартирующей в казармах селения Лисье (Liessies), отлучась в ночное время за границу, сделали там воровство и покраденные вещи принесли в казармы»⁴⁹². В

⁴⁸⁸ РГВИА. – Ф. 16235. – Оп. 1. – Д. 74: 16.

⁴⁸⁹ Там же. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 135.

⁴⁹⁰ Там же: 76.

⁴⁹¹ Там же. – Ф. 16235. – Оп. 1. – Д. 74: 27.

⁴⁹² Там же. – Ф. 16267. – Оп. 1. – Д. 6: 4.

приказе от 27 мая 1817 года отмечено, что «41 Егерского полка рядовой Матвей Ткачук, отданный под военный суд обвиняемый в грабеже ночью на дороге обывателя, коему он проколол при сем случае штыком руку»⁴⁹³. Приказ от 26 июня 1817 г. отмечал, что «Ряжского пехотного полка рядовые Гаврило Шорин, Егор Иванов, Ян Даус и Емельян Егоров обвиняются: первые трое в воровстве в селении Шиньи из церкви денег и вещей; а последний за принятие украденного в церкви холста»⁴⁹⁴. В приказе от 6 сентября 1818 г. говорилось, что «41-го Егерского полка рядовой Семен Бурлаков обвиняется в сделании обывателю Кантона Сор-ле-шато Ксавье Лорану земляным комом по голове удара, от которого человек сей помер и в том еще, что своевольно зашел в обывательский сад рвать яблоки, что было случаем к смертоубийству...»⁴⁹⁵. В рапорте от 25 апреля 1817 г. отмечалось, что «Бригадный командир господин генерал-майор и кавалер Герьев при рапорте от вчерашнего числа за № 222 представил ко мне следствие, произведенное в Алексопольском пехотном полку о нанесенных тесачом ран крепости Ладреси жителя Каврера работником Жаном Калле, того же полка рядовому Герасиму Скворцову. Из коего следствия видно, что рядовой Сидорцов хотел сделать воровство и будучи преследуем упомянутым работником получил раны, для излечения коих был отправлен в ландрескской гошпиталь, где от оных помер»⁴⁹⁶.

Из общего списка совершенных преступлений выделяется «воровство по необходимости», связанное с нехваткой еды или фуража и часто превращающее воров в жертв. В подобных обстоятельствах присвоение чужого имущества становилось скорее одним из средств выживания на чужой территории, чем проявлением агрессии. Приказ от 18 июля 1816 г. гласит, что «Курляндскаго драгунскаго полка эскадрона Капитана Лофана пять человек драгун, в селении Сент-Мари квартировавших, согласясь между собою, в 1-м часу ночи взлезли на сарай с намерением взять тайно соломы на подстилку лошадям, хозяин того сарая Луи Жозеф Боган услышал лай собаки, выскочил из дому с заряженным ружьем и, увидя людей, стоящих около сарая, сделал по ним выстрел, коим ранил драгуна Никона Юрова»⁴⁹⁷. Согласно приказу от 10 сентября 1816 г., «батареинной роты № 17 фурлейты, квартирующие в селении Фоион, украли у жителя онаго селения небольшое количество сена для дачи в корм военным лошадям»⁴⁹⁸. Как явствует из приказа от 5 ноября 1816 г., «мушкетерской роты Апшеронского пехотного полка рядовому Никифору Толстову причинены побои жи-

⁴⁹³ Там же. – Ф. 464. – Оп. 1. – Д. 541: 30.

⁴⁹⁴ РГВИА. – Ф. 16267. – Оп. 1. – Д. 6: 13.

⁴⁹⁵ Там же: 18.

⁴⁹⁶ Там же. – Ф. 16235. – Оп. 1. – Д. 74: 58.

⁴⁹⁷ Там же. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 99.

⁴⁹⁸ Там же: 114.

телями селения Булонь за воровство лоскутка холста»⁴⁹⁹. В рапорте от 7 ноября 1816 г. отмечено, что «12-й пехотной дивизии легкой артиллерии роты № 24 фурлейты Афанасий Матвеев и Василий Бочаров прошедшего октября 25го числа в ночи из казарм в селении Каталиен устроенных отлучились для кражи картофелю в огороде в поле состоящем за две версты расстоянием от казарм, которой принадлежит жителю селения Базуэль, и когда оные фурлейты начали копать картофель, в скорое время услыша разговор французов, предприняли бегство и в то же время сделан ружейный выстрел, коим ранен в руку фурлейт Афанасий Матвеев»⁵⁰⁰. Приказ от 20 февраля 1817 г. гласит, что «Нашебургского пехотного полка рядовой Григорий Евдокимов отдан был под поенный суд обвиняемый в покраже у жителя 25 фунтов масла и 18 яиц»⁵⁰¹.

Очевидно, что зарегистрированные случаи воровства отнюдь не демонстрируют факт непреодолимого стремления к доминированию на оккупированной территории: открытого изъятия имущества у местных жителей не регистрировалось. Наоборот, основная масса преступлений совершалась в ночное время или при отсутствии свидетелей. Кроме того, судя по всему, насилие в большинстве случаев носило случайный характер и применялось или для самозащиты, или для избавления от случайных свидетелей.

Принято считать, что одним из способов утверждения оккупационной власти на захваченной территории является физическое насилие. При этом формы его проявления могут варьироваться: самыми распространенными могут быть драки с местными жителями и с представителями местных властей. Кажется, при взаимодействии двух государств, когда одно из них выступает победителем, а другое побежденным, культурные противоречия должны иметь одно из определяющих значений. Однако открытые столкновения между русскими солдатами и местными жителями, которые можно было бы объяснить скрытой борьбой с захватчиками, нельзя считать многочисленными. Приведем примеры некоторых из этих столкновений. 12 октября 1815 г. готлангер Аязов доложил, что «вчерашнего числа, то есть 11-го числа, по полудни в 2-м часу, шел я по улице с казенным фуражем с сеном... и встретясь со мною неизвестный мне Человек, у коего была на плече большая длинная доска (нечаяно или с умыслу, сего я утверждать не могу) сей Человек толкнул меня оной в бок, от чего как имевши я на себе большую тягость сена, упал, вставши тот час начал Его за то бранить, но оный войдя в азарт поставил большую доску к стене и в ту минуту схватил другую короткую доску бросился меня ею бить и за-

⁴⁹⁹ Там же. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 131.

⁵⁰⁰ РГВИА. – Ф. 16235. – Оп. 1. – Д. 74: 31.

⁵⁰¹ Там же. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 541: 8.

шиб мне палец до крови, потом и еще бросаюсь на меня, с помощью других Ему также сотоварищами бывших, и я принужден был отбиваться от них, того неизвестного мне человека толкнуть от себя в грудь, который и упал, в прочем ежели бы не успели из товарищей моих защитить меня, то вероятно что бы збежавшиеся разного рода жители в таковой раз совершенно меня изувечили бы»⁵⁰². Еще один пример: в объявлении от 20 августа 1816 г. было отмечено, что «трактирщик Гено сего месяца 9 числа позволил себе самое непозволительное обхождение с Старшим Лекарем нашей службы Г. Фолли, хотя сей был в мундире и при свидетелях.... надеюсь, что никто из Русских не захочет ходить в дом, в котором осмелились оказать неуважение к мундиру нашему»⁵⁰³.

Наиболее распространенными причинами драк с местными жителями были бытовые конфликты. В приказе от 4 января 1816 г. отмечалось, что «Смоленского драгунского полка Штабс-Капитан Гампер... нашелся виновным в причинении побой жителю того города (Варена – В. П.)... Донского казачьего Ягодина полка Сотник Попов за ослушание по службе противу Сваргамюндского Коменданта Майора Бравкова, за распушение в м. Вайлербах по квартирам команды, с кою он конвоировал пойманных дезертирщиков и требования к оным дезертирщикам караула от города, за нещадное наказание из тех караульных одного жителя, у коего бежал арестант...предается военному суду»⁵⁰⁴. В приказе от 6 сентября 1818 г. отмечено, что «командующий Лейб-эскадрон Штатс-Капитан Мальцов по жалобе к нему о воровстве нижними чинами у жителей сена, не только не вошел в подробное исследование сей жалобы, но придравшись к первому грубому слову, приказал солдатам бить двух сыновей Мера онаго селения, кои объясняли ему доказательства на сие воровство»⁵⁰⁵. В приказе от 26 января 1816 г. зафиксировано, что «артиллерийской № 17 роты Готландер Федор Алексеев (обвиняется – В. П.) в порублении хозяину тесаком в двух местах руки, по неудовольствию на него за подание худо приготовленной пищи, и фурлейт Игнатъев за побои нанесенные жене и дочери хозяина не пускавшим его в сарай взять в подводу волов»⁵⁰⁶. В приказе от 4 февраля 1816 г. говорилось, что «по произведенному военному суду, 10 Егерского полка над рядовым Андреем Загаранчуком оказалось, что с 6 на 7 число Генваря по новому штилю, в ночное время сей рядовой зделал ссору в квартире своей, округа Рокруа в селении Ляволь-Моранси, с хозяином Яковом Ляволи и жену его Марию семи-

⁵⁰² РГВИА. – Ф. 16235. – Оп. 1. – Д. 74: 4.

⁵⁰³ Там же. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 106.

⁵⁰⁴ Там же: 2.

⁵⁰⁵ Там же. – Ф. 16267. – Оп. 1. – Д. 6: 18.

⁵⁰⁶ Там же. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 18.

десяти семи лет толкнул на землю, которая в то же время померла»⁵⁰⁷. В приказе от 12 апреля 1816 г. было отмечено, что «несколько дней тому назад приезжала жаловаться здешняя одна помещица, что квартирующий у нее Смоленскаго пехотного полка Капитан Калмыков держит у себя непотребную женщину, и что она хотя не имеет ни малейшей причины жаловаться на Г. Калмыкова, ни на его поступки, но не привыкла и не могла считать за должное дать квартиру наложнице его»⁵⁰⁸.

Нередко драки были связаны с алкогольным опьянением участников. Приказ от 30 января 1816 г. касался «произведенного при бегерском полку военного суда над Унтер-офицером того же полка и кавалером Семеном Чвановым за буйство в пьяном виде на квартире в селении Олань около 30 ноября, за битие женщин и за нанесение удара тесаком в голову четырнадцатилетнему мальчику»⁵⁰⁹. В рапорте от 17 декабря 1817 г. было отмечено следующее: «41-го егерского полка два егеря Осип Капура и Сдор Бедрешев 25го прошлого ноября, шедши с шереночного учения к своим квартирам, выпили в одно время разданную им 4х дневную винную порцию, от которой сделались слишком пьяны. Зашли по дороге в дом Трофе, принадлежащий, Валенкур, чуть поспорившись с хозяйкою, нанесли ей палкою побои»⁵¹⁰.

Таким образом, основными причинами столкновений с местным населением были бытовые конфликты. Абсолютно логичным кажется вывод Ж. Антрэ о том, что «две главные особенности проявляются в отношении союзников к французам в 1814 и в 1815–1816 годах. Они хотят, во-первых, быть уверенными в своем продовольственном обеспечении и получать то, что считают необходимым. Также они намерены контролировать завоеванную территорию и обеспечивать безопасность своим войскам»⁵¹¹.

Однако, как ни странно, наиболее многочисленными были акты насилия чинов корпуса друг против друга. Так, в приказе от 15 марта 1816 г. отмечалось, что «Нарвского пехотного полка унтер-офицер Михайла Чернышев признан виновным в убийстве с намерением из пистолета в лесу того же полка рядового Григорья Николаева, чтобы воспользоваться его деньгами, коих и отобрал он два червонца и 15 руб. ассигнациями»⁵¹². В приказе от 5 июня 1816 г. отмечено, что «состоящий при подвижном магазейне 14 класса Лисецкий за самовольное и бесчеловечное наказание погонщика Семена Родицына арестует-

⁵⁰⁷ РГВИА. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 26.

⁵⁰⁸ Там же: 65.

⁵⁰⁹ Там же: 20.

⁵¹⁰ Там же. – Ф. 16235. – Оп. 1. – Д. 74: 66.

⁵¹¹ Hantraye 2005: 30.

⁵¹² РГВИА. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540: 45.

ся на две недели с посадением на Гоубшвахту»⁵¹³. Приказ от 20 июня 1816 года гласил, что «недели три тому назад Королевский прокурор в Авене уведомил..., что около селения Курсоар найдено мертвое тело русскаго солдата, который по словам жителей того селения повесился после жестокого наказания, полученного в роте»⁵¹⁴. В приказе от 3 октября 1816 г. отмечалось, что «состоящей при корпусе жандармской команды рядовой Степан Криворучка признан виновным в том, что был в пьяном виде схватил за груди Унтер-Офицера Склярова и толкал его об стену»⁵¹⁵. Приказ от 26 июля 1817 года отмечал, что «казенные денщики, состоящие при Г. Генерал-Майоре Иванове, Семен Адамов, Никифор Захаров, партикулярный человек, бывший в услужении у Генерал-Майора Иванова, Василий Соловьев и 10 Егерскаго полка рядовой Никита Огородников, отданы были под военный суд обвиняемые: первой в убийстве (топором – В. П.) 10 егерскаго полка Унтер-Офицера Осипа Важненка; а последние трое в участии в убийстве»⁵¹⁶.

Отдельный интерес представляют многочисленные случаи самоубийств, которые регистрировались практически на протяжении всего периода квартирования корпуса. В декабре 1815 г. расследовалось самоубийство одного из братьев фейерверкеров Черепановых⁵¹⁷. Чуть позже, но в том же месяце, расследовалось самоубийство рядового Рязского пехотного полка, который был найден на своей квартире повешенным⁵¹⁸. В рапорте от 26 июня 1816 г. было отмечено, что «Казенный Деньщик Мартвин Сергеев 14-го числа сего месяца по полудни в 1-м часу отлучился и по многим искам также и со стороны французскаго правительства нигде не отыскан... 24 числа пополудни в 1-м часу в селении Малениур на квартире... порутчика Ещенци на конюшне сверху найден самопроизвольно на ремне повесившимся»⁵¹⁹. В рапорте от 25 мая 1817 г. заявлялось, что «в местечке Баве фурлейт Родион Мартинов разрезал сам себя бритвою в двух местах живот»⁵²⁰. В рапорте от 29 мая 1817 г. значилось, что «рядовой Максим Андрейцев сего месяца 24-го числа по полуночи в 8 часов отлучившись от своих товарищей... и взяв пистолет так, что никто не мог видеть, застрелился».

Соотнося факты совершенных российскими солдатами преступлений с условиями, в которых корпус М. С. Воронцова жил, становит-

⁵¹³ РГВИА. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 540.: 77.

⁵¹⁴ Там же: 85.

⁵¹⁵ Там же: 122.

⁵¹⁶ Там же. – Д. 541: 39.

⁵¹⁷ Там же. – Ф. 16235. – Оп. 1. – Д. 74: 7.

⁵¹⁸ Там же: 23.

⁵¹⁹ Там же: 55.

⁵²⁰ Там же: 56.

ся очевидным, что общая озлобленность российских солдат против местного населения была достаточно невысокой, очень редко связывалась с культурными противоречиями и практически не имела крайне агрессивного проявления. Случаи открытого разбоя фиксировались не часто, также как и участие в них казаков. Между тем, количественно случаи противоправных действий в отношении друг друга не уступают аналогичным действиям в отношении местных жителей. В связи с этим возникает вопрос: а не были ли противоречия внутри корпуса более значительными, чем противоречия между чинами корпуса и местными жителями?

Список источников и литературы

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Брейар 2000 – Брейар Ж. М. С. Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции. 1816–1818 гг. // Воронцовы – два века в истории России. – СПб., 2000. С. 127-151.

Гладышев (рук.) – Гладышев А. В. Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память (в печати).

Hantraye 2005 – Hantraye J. Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, 2005.